

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 811.161.1'37 + 81:39 + 316.75

ББК Ш141.2-7

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19; 10.02.01

О. В. Атрошенко

Екатеринбург, Россия

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ХРОНОНИМИЯ В СОВЕТСКОМ И ПОСТСОВЕТСКОМ ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. Характеризуются изменения в системе русских традиционных календарных наименований в советский и постсоветский периоды. Особое внимание уделяется лексикографическому описанию русских народных хрононимов, взаимодействию религиозного и идеологического компонентов в языковой и контекстуальной хрононимической семантике.

Ключевые слова: лексикография; лексикология; семантика; этнолингвистика; политическая лингвистика; хрононимы.

Сведения об авторе: Атрошенко Ольга Валерьевна, аспирант кафедры русского языка и общего языкознания.

Место работы: Уральский федеральный университет (бывш. Уральский государственный университет им. А. М. Горького), Екатеринбург.

Контактная информация: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 308.
e-mail: atrosh@pm.convex.ru.

O. V. Atroshenko

Ekaterinburg, Russia

RUSSIAN NATIONAL CHRONONYMS IN THE SOVIET AND POSTSOVIET IDEOLOGICAL SPACE

Abstract. The article views changes in Russian traditional calendar names system during the Soviet and Post-soviet periods. Special attention is devoted to lexicographical description of Russian national chrononyms, religious and ideological components interaction in linguistic and contextual chrononyms semantics.

Key words: lexicography; lexicology; semantics; ethnolinguistics; political linguistics; chrononyms.

About the author: Atroshenko Olga Valeryevna, Post-graduate Student of the Chair of the Russian Language and General Linguistics.

Place of employment: Ural Federal University (ex-Ural State University), Ekaterinburg.

Русский народный календарь формировался на основе церковных (православных) и земледельческих традиций. Соответственно русские хрононимы призваны обозначать отрезки годового времени, связанные, с одной стороны, с библейскими событиями, «именинами» святых, с другой — с крестьянским укладом жизни. В народную хрононимическую систему вошли формально упрощенные наименования важнейших церковных праздников (*Успение* или *Успение Богородицы* вместо *Успение пресвятой владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии*)^[1]. Следует сказать, что русские общенародные (*Пасха*) и диалектные (севернорус. *Николай-Кочанник* '27 июля/9 августа') хрононимы до конца XX — начала XXI в. изучались преимущественно этнографами. Слабая лингвистическая, в частности лексикографическая, освещенность календарных наименований обусловливалась, во-первых, их ономастической спецификой (имена собственные не последовательно включаются в литературные и диалектные толковые словари), во-вторых, общественно-политическими факторами. Так, в советский период хрононимия, относящаяся к сфере религиозного, «объявляется» лингвокультурным рудиментом. В данной статье рассматривается влияние идеологии на русскую народную хрононимию в советский и постсоветский периоды.

Влияние идеологии на лексикографическое описание русской народной хрононимии. Лексикографическое описание является необходимым этапом познания природы языко-

вого знака и выявляет его системные связи. Однако часто словарь отражает не живую (сиюминутную), а «проверенную временем» систему, в том числе пропущенную через идеологическое «сито». Обратимся к толковым словарям русского языка, изданным в советский и постсоветский периоды, реконструирующие две различные системы хрононимов.

Исчезновение из советских словарей концептосферы «Календарное время. Праздники» не осталось бы незамеченным носителями русского языка. Чтобы избежать лакуны, составители словарей идут тремя путями: 1) выбирают идеологически нейтральные хрононимы (с ярко выраженным народнокультурным компонентом и ослабленными религиозными смыслами); 2) приводя названия важнейших церковных праздников, без которых немыслима русская культура, идеологизируют словарную статью при помощи помет и особых оценочных или модальных сем в толковании; 3) вводят названия праздников, маркирующих советскую эпоху.

В хрононимический словник советского периода вошли лишь единичные общенародные календарные наименования. К примеру, в «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова отсутствуют такие наименования двенадцатых праздников, как *Рождество Богородицы*, *Воздвижение*, в «Словаре современного русского литературного языка» — *Рождество Богородицы*, *Введение*, в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова — *Воздвижение*, *Введение*. Кроме того, за пределами этих словарей

остаются некоторые общенародные хрононимы, обозначающие дни памяти святых: в словаре Д. Н. Ушакова и ССРЛЯ нет наименований *Иванов день*, *Никола Зимний* (6/19 декабря) и *Никола Летний* (9/22 мая); словарь С. И. Ожегова, помимо вышеназванных, не включает *Ильин день*, *Петров день*. Возможно, такая выборка обусловлена, во-первых, ассоциацией хрононимов с именами российских царей и императоров, во-вторых, стремлением «погасить» в словнике словаря религиозный компонент. Включая в словари наименования *Ильин день*, *Иван Купала* / *Иван Купало*, *Петров день*, авторы «разбавляют» религиозные смыслы народнокультурными: 1) во внутренней форме хрононима: *Купала*, *Иван Купала* [ССРЛЯ 5: 1841]; 2) в дефиниции: *Ильин день* 'у православных — праздник пророка Илии (20 июля ст. стиля), управляющего, по мифологическим представлениям, громами' [ТСРЯ 1: 1190—1191]; 3) в контексте: «*Петров день*. До Петрова вспахать, до Ильина заборонить. Пословица. Далеко кулику до Петрова дня. Пословица (много еще недостает кому-н.)» [ТСРЯ 3: 245]. В толковые словари советского периода включаются и наименования дней/периодов, связанных с народными забавами и обычаями, а также с поминовением умерших: *Радоница*/ *Радуница* [ТСРЯ 3: 1111], *Семик* [ТСРЯ 4: 142], *Родительская суббота* [ТСРЯ 3: 1370], *Масленица*, *Святки*, *Русалии* [ТСРЯ 2: 152; 4: 109; 3: 1406; Ожегов 2004: 332, 694, 677]. Возможно, данные хрононимы имеют, по мысли составителей, не церковно-христианские, а скорее языческие ассоциации.

В тех случаях, когда народная хрононимия попадает в словари, их авторы при помощи помет ограничивают сферу (церк., книжн., этнолог., этногр.) и время функционирования хрононимов (истор., устар.): *Петров день* (церк.) [ТСРЯ 3: 245], *Купала* (этногр.) [ТСРЯ 1: 1549], *масленица* (устар.) [ТСРЯ 2: 152], *Радоница* (этнолог.) [ТСРЯ 3: 1111], *Русалии* (истор.) [ТСРЯ 3: 1406], *сочельник* (устар.) [ТСРЯ 4: 417], *Крещение* (церк.) [ТСРЯ 1: 1513], *Благовещение* (церк.) [ССРЛЯ 1: 473], *Вознесение* (книжн., церк.) [ТСРЯ 1: 343], *Сретение* (устар., церк.) [ТСРЯ 4: 466—467]. Некоторые хрононимы и их производные оказываются стилистически маркированными: *Троица* (разг., церк.) [ТСРЯ 4: 805], *масленица* 'о привольной, сытой жизни' (разг., фам.) [ТСРЯ 2: 152].

В толковании хрононимов могут присутствовать следующие идеологические добавки:

1) сема вымышленного, признак нереального, «якобы существующего»: *Крещение* 'религиозный праздник 6 (19)-го января в память **евангельской легенды** о крещении Иисуса' [ССРЛЯ 5: 1644], *Рождество* 'христианский зимний праздник, посвященный рождению **мифического** основателя христианства Христа' [СРЯ 3: 726], *Пятидесятница* 'один из **т. наз.** двенадцатых праздников у христиан' [ТСРЯ 3: 1091], *Купала*, *Иван Купала* 'у православных — праздник 24

июня ст. стиля, посвященный **т. наз.** Иоанну Крестителю' [ССРЛЯ 5: 1841; ТСРЯ 1: 1549, 1126], *Сретение* 'один из **т. наз.** двенадцатых праздников у христиан (2 февраля по ст. ст.; церк.)' [ТСРЯ 4: 466—467], *Пасха* 'христианский праздник, посвященный **так называемому** воскресению Христа' [ТСРЯ 3: 64];

2) идея устаревшего: *семик* '**пережиток** древней религии анимизма — народный праздник поклонения душам умерших, справляющийся в четверг на седьмой неделе после Пасхи...' [ТСРЯ 4: 142], *Радуница* 'религиозный обычай поминания умерших на могилах на послепасхальной неделе, сохранявшийся у православных как **пережиток** древнего культа мертвых' [СРЯ 3: 582];

3) признак узкой и «чуждой» зоны функционирования: *святки* 'в **церковном быту** — праздничное время от дня рождества до крещенья' [ТСРЯ 4: 109], *святки* '**в дореволюционном быту** праздничное время от рождества до крещения' [СРЯ 4: 59].

Идеологизированными можно считать и заведомо «неопределенные» толкования, в которых отсутствует указание на библейское событие и дату: *Введение* (церк.) 'один из христианских праздников' [ТСРЯ 1: 230], *Благовещение* (церк.) 'один из весенних христианских праздников, связанный с евангельским рассказом об извещении матери Христа о предстоящем его рождении' [ССРЛЯ 1: 473], *Крещение* 'один из церковных праздников' [СРЯ 2: 128]. Не приводя дифференциальных сем в толковании хрононимов, составители словарей исключают церковные праздники из советского календаря.

Исчезновение некоторых общенародных календарных наименований из словарей или их семантическое упрощение компенсируется появлением советских хрононимов: *Первое мая* (*Первый май* неправ.) 'праздник международной солидарности пролетариата, установленный в 1889 г. конгрессом 2-го Интернационала' [ТСРЯ 2: 118], *Великая Октябрьская социалистическая революция* (в статье на *Октябрьский*) [ТСРЯ 2: 798], *Октябрь* (нов., торж.) 'Великая Октябрьская Социалистическая революция 1917 года' [ТСРЯ 2: 798], *Новый год* ^[2] 'первый день года' [ТСРЯ 2: 588].

Не затронула советская идеология русские диалектные словари (СРНГ, ССГ, СРГСУ, СРСГСО и др.), в которые включались и территориально ограниченные (зап.-сибир. *Авдокеи* '1/14 марта', арх. *Василий-Солноворот* '1/14 января'), и общенародные хрононимы (*Никола* '9/22 мая и 6/19 декабря', *Троица*, *Пасха*). Однако данные лексикографические источники не предназначались для широкого круга читателей, большинство советских граждан должно было воспринимать народные праздники как пережиток прошлого. Параллельно формировался новый календарь, состоящий из памятных дат советской истории и профессиональных праздников (*День учителя*, *День геолога*,

День пограничника), названия которых обычно не закреплялись в толковых словарях.

Постсоветская лексикография уделяет народной хрононимии пристальное внимание. Так, в словник толковых словарей русского языка вошли почти все наименования двенадцатых праздников (*Воздвижение, Рождество Богородицы / Рождество Пресвятой Богородицы, Введение Богородицы во храм / Введение, Благовещение* и др. [Кузнецов 2000: 142, 1126, 113, 81; Ефремова 2006, 1: 317; 3: 142; 1: 246; 1: 176]). Помимо этого, отражены общенародные хрононимы, хотя и непоследовательно: так, упоминается *Иван* 'народное название праздника первого покоса, сбора целебных трав, приметный день у землепашцев; День Ивана Купалы' [Ефремова 2006, 1: 822], но нет *Иванова дня* [Ефремова 2006; Кузнецов 2000]. В словаре Т. Ф. Ефремовой есть *Ильин день, Купала, Никола зимний* (6/19 декабря) и *Никола летний* (9/22 мая), *Петров день* [Ефремова 2006, 1: 854; 1: 1088; 2: 337; 2: 712], но эти хрононимы отсутствуют у С. А. Кузнецова [Кузнецов 2000]. Следует отметить, что в толковых словарях постсоветского периода сохраняются наименования советских праздников, например: *Октябрь, праздник Октября* [Кузнецов 2000: 711; Ефремова 2006, 2: 452].

В постсоветских толковых словарях при подаче хрононимов исчезают стилистические пометы и семантические компоненты идеологического характера; ср.: *Благовещение* 'один из двенадцатых церковных праздников у православных христиан, отмечаемый 7 апреля по новому стилю или 25 марта — по старому в память о „благой вести“, принесенной — согласно евангельским представлениям — архангелом Гавриилом Деве Марии о предстоящем рождении у нее Спасителя мира — Иисуса Христа' [Ефремова 2006, 1: 176]; *Никола зимний* 'праздник в честь одного из самых почитаемых святых на Руси — св. Николая (отмечаемый 19 декабря по н. ст. или 6 декабря по ст. ст.)' [Ефремова 2006, 2: 337]. При формулировании хрононимических дефиниций может наблюдаться неразличение описываемого праздника и праздничного обычая, что говорит о малой изученности хрононимов в советское время: *Радуница* 'религиозный обычай поминания умерших на могилах на послепасхальной неделе, сохранившийся у православных как *пережиток* древнего культа мертвых' [Кузнецов 2000: 1058].

Если в советский период сфера религиозного (вместе с ассоциирующимися с ней календарными датами) вытеснялась из действительности, то в постсоветский стала активно внедряться в народное сознание. Идеологема коллективистских трудовых будней сменилась на «идеологему» уникальности любого дня, дня-праздника для каждого (в СМИ, особенно в сфере рекламы). Так, расширился календарный спектр: появилось множество профессиональных праздников, дней в честь различных орга-

низаций, были заимствованы некоторые западные праздники (*День матери, День всех влюбленных, Хеллоуин* и т. д.). Некоторые из наименований последних закрепляются в толковых словарях русского языка: *Хэллоуин* 'популярный ежегодный праздник в англоговорящих странах кануна Дня всех святых (31 октября), символом которого является ведьма на метле и выдолбленная тыква с зажженной свечой внутри' [Ефремова 2006, 3: 786]; ср. также *валентайн, валентинка* (разг.) 'любственное или шуточное послание на иллюстрированной открытке, которыми обмениваются возлюбленные и добрые знакомые в День св. Валентина в странах Западной Европы и США' [Ефремова 2006, 1: 238]. При этом название официально утвержденного в России праздника — *Дня матери* (Указ Президента России от 30 января 1998 г. № 120) — не фиксируется современными толковыми словарями, что свидетельствует о незавершенности процесса формирования новой хрононимической системы.

Снятие «запрета» на религиозную сферу в конце XX в. в какой-то степени обусловило изучение русской народной хрононимии как ономастического класса и появление специализированных хрононимических словарей.

ТРАДИЦИОННОЕ И СОВЕТСКОЕ В НОМИНАТИВНОЙ КАЛЕНДАРНОЙ СИСТЕМЕ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ. В диалектной системе советского периода параллельно существовали наименования как церковно-земледельческих, так и советских праздников, поскольку те и другие вписывались в колхозный быт, ориентировали в цикле сельскохозяйственных работ: *Егорьев день, Егорей Скотской* '23 апреля/6 мая': *Егорей Скотской весной живет, скота выгоняешь* (Коми-Пермяц.) [СРГКПО: 93]; *Петров день, Петров Репный* '30 июня/12 июля': *Пётр Репной также происходит от сроков посадки репы* (Прикам.) [Черных 2006: 178]; *Овод до Петрова дня, а муха до глухой осени* (Вологод.) [КСГРС]; *Ильин день* '20 июля/2 августа': *Ильин день — это в августе праздник, когда часто дожди и гроза сильная бывает. Чтобы задобрить Илью, крестьяне праздник устраивали* (Москов.) [КЛАРНГ]; *Фролов день, Фроловки-Белоголовки* '18/31 августа': *Фроловки-Белоголовки — урожай надо собирать, а то белоголовки вырастут* (Костром.) [ЛКТЭ]. Часто обрядовая символика праздников адаптировалась к советской действительности: *Иванов день* '24 июня/7 июля': *В Иванов день в колхозе покос начинали, в Петров день свои гувенники косят* (Вологод.) [КСГРС]; *Преображение* 'Второй Спас, 6/19 августа': *Детей в Преображение в горах возили раньше в колхозе-то* (Костром.) [ЛКТЭ]; *Сретенье* '2/15 февраля': *Стретенье в „Большевики“ (колхоз) праздновали* (Костром.) [ЛКТЭ]; *Ильин день*: *В Ильин день не работают, даже из колхоза отпускали* (Костром.) [ЛКТЭ]; *Вшивая неделя* 'неделя после Троицы': *Капусту шестого-седьмого июня садили в*

колхозах, пока мошки нет. Позже начнешь на неделю — Вшивая неделя (Прикам.) [Черных 2009: 138]; *Радованица 'суббота на второй неделе после Пасхи, поминальный день': В Радованичу дак всех бригадиров пьяными напоили* (Вологод.) [СВГ 9: 4].

Семантика некоторых временных отрезков актуализировалась в определенные исторические моменты, что также способствовало сохранению «земледельческих» хрононимов в номинативной календарной системе советского периода. Так, день св. Евдокии (1/14 марта) считается началом весны, а значит, связан с исчезновением зимних съестных запасов: *Март месяц был, как раз на Авдокию-Весновку было. Подфартило <...> А то бы так и пухли с голоду, умирали же которы* (в сорок втором) (Читин.) [СГБС 1: 149].

В крестьянской среде народные праздники могли заменяться советскими, но их ритуальное наполнение нередко оставалось традиционным. При этом «советские» и «народные» хрононимы становятся параллельными наименованиями как бы одного временного отрезка: *Берёзки день 'Троица': День Берёзки праздновали. Украшали машины березками* (Костром.) [ЛКТЭ]; *Раньше был колхозной праздник Березка, день Березки. На лугах гуляли* (Коми-Пермяц.) [СРГКПО: 48]; *Октябрьские и Скорбящая Божья Матерь '6 ноября': Октябрьские — это Скорбящая Божья Матерь — шестого ноября. Тогда уж гуляли, варили пиво собоца, котлами* (Костром.) [ЛКТЭ]; *Временная 'день великомученицы Параскевы Пятницы, 28 октября/10 ноября': Сейчас Октябрьская осенью, а у нас была Временна, как хлеб уберут* (Среднеурал.) [Востриков 2000, 1: 90—91]; *Митров день 'день св. Димитрия Солунского, 26 октября/8 ноября': Октябрьская седьмого ноября, а следующий Митров день, они как один праздник* (Вологод.) [КСГРС]. Известно, что рождественский цикл был заменен советским Новым годом (1 января по н. ст.). Замены подобного рода нередко отмечались народным сознанием: *Васильев вечер, Новый-то год, 13 января живет, а советский Новый год вперед живет* (Перм.) [Прокошева 2002: 46—47]; *Митревска была осенью, когда был советской праздник Октябрьска-то, на другой день Октябской — Митриев день* (Прикам.) [Черных 2009: 130]; *Мы к имя издим на Покров, а оне к нам на Советской праздник* (Октябрьскую) *бывают* (Прикам.) [Черных 2009: 179]; *В 57-ом году праздники-то наши запретили. А как без них? Вот мы вместо Иоанна-Богослова образование колхоза и отмечали* (Архангел.) [ЭМТЭ]; *Вот Октябрьску, Май — вот это у нас уже праздники были, сейчас уже стали праздновать* (Прикам.) [Черных 2009: 118].

Традиционные праздники могли осмысляться как «прежние»: *С Пасхи и до Земли-Имениницы — это ранешние-то праздники, игровые праздники, каждое воскресенье гуляли. В Зем-*

лю-имениницу также выходные давали (Костром.) [ЛКТЭ]; *С постной молитвой поп ездит, на дому служит, в Велико говеньё, когда Масленка пройдёт. В Велико-то говеньё грех был молосно-то ись, а нонче уж ничё не разбуряют* (Перм.) [Прокошева 2002: 81]. Возможно подчеркивание их церковного происхождения: *Стретенье — церковный праздник — проводы зимы* (Алтай.) [СРГА 4: 129]; *Аксинья-Полухлебница — церковный праздник в середине зимы* (Москов.) [Иванова 1969: 13].

Советские праздники, в свою очередь, встраивались в традиционный календарь. В народном сознании стирались границы между привычным (своим) и новым (чужим). Показателем этого является функционирование «советских» и «народных» хрононимов в одном ряду: *День прибывает под Рождество на полчаса, на Новый год* (1 января по н. ст.) *— на один час, под Крещение — на полтора часа, на Афанасьев день — на два часа* (Прикам.) [Черных 2008: 11]; *К Октябрьским раньше варили, вот летние праздники — Вознесенев день, Троица была, к Первому мая варили* (Костром.) [ЛКТЭ]; *Митров день живет, Митривски субботы в ноябре, у Октябрьских праздников* (Прикам.) [Черных 2009: 130]; *Потом после Пасхи Мароносецкие Родители, Троицкие и последние Осенние, под Октябрьской и всё* (Тамбов.) [Махрачева]; *Да всякие праздники: Ильин день, Хролов день, День Победы, Май, ещё какие-то... Пасха, Троица* (Прикам.) [Черных 2009: 118]; *Большие праздники: Майская* (1 Мая), *День Победы, Троица, Октябрьская* (Костром.) [ЛКТЭ]; *К Октябрьской пива варили, к Сергию* (5/18 июля), *Егорию* (23 апреля/6 мая и 26 ноября/9 декабря) (Вологод.) [КСГРС].

Взаимодействие советского и традиционно-го календарей нашло отражение в языке. Названия советских праздников (*Первое мая, Октябрьская*) могли модифицироваться по распространенным народным хрононимическим моделям:

1) словообразовательно: ср. костром. *Алексеевская* (< Алексеев день) '17/30 марта', тамбов. *Благовещенная* (< Благовещенье) и костром. *Майская* (< Первое мая) [ЛКТЭ];

2) структурно (обычно в сторону упрощения): костром. *Октябрьская* (< день Великой Октябрьской социалистической революции) [ЛКТЭ];

3) грамматически: москов. *Аксинья-Полухлебница* (< Аксинья-Полухлебница) '24 января/6 февраля' и костром., прикам. *Октябрьские/Октябрьский праздники* (< Октябрьские/Октябрьский праздник) '7 ноября': *Митривски субботы в ноябре, у Октябрьских праздников* [Черных 2009: 130]; *Октябрьские отмечали седьмого ноября. Это установилась советская власть — наварят пива и дуют, пьют* [ЛКТЭ]; *Седьмые* (< Седьмое ноября): *В Седьмые делали, в колхозе варили пива и вина брали* (Костром.) [ЛКТЭ].

Функционирование хрононима *Октябрьская* в форме множ. ч. обусловлено не только влиянием народной хрононимической модели, но и хронологической смежностью с поминальной субботой (суббота перед днем св. Дмитрия (26 октября/8 ноября)) и Дмитриевым днем. Так «советская» и «церковно-народные» даты начали восприниматься как единый праздник. Хрононим *Седьмые* поддерживается «числовыми» названиями престольных праздников^[3] в форме множ. ч., ср. среднеурал. *Девятые* 'девятая пятница после Пасхи' [Востриков 2000, 1: 134].

Современная народная хрононимическая система включает как традиционные («земледельческие») хрононимы, так «советские» и «постсоветские». Хрононимические наборы в сознании сельских жителей различаются в зависимости от возраста. Пожилые, как правило, помнят названия важнейших «божественных» праздников (*Пасха, Троица, Благовещение*) и «функциональных», значимых с хозяйственной точки зрения, напр.: *Василии-Капильники* '28 февраля/13 марта', *Евдокия-Плющиха* '1/14 марта', *Ильин день: Когда гроза в этот день, говорят „Илья на коляске едет“* (Костром.) [ЛКТЭ]. При этом нередко происходит полная или частичная утрата связи хрононима с определенной датой (хрононим соотносится лишь с сезоном, на который приходится именуемая дата). На сохранность в народной памяти наименований «функциональных» праздников указывает следующий контекст: *В календаре есть эти Спасы. 19 августа Яблочный Спас. Потом Медовый Спас, а ещё один — не помню какой* (Костром.) [ЛКТЭ]. В данном случае хрононимы с «актуальным» событием во внутренней форме (*Яблочный Спас* '6/19 августа' — время уборки яблок, *Медовый Спас* '1/14 августа' — время сбора меда) закреплены в сознании за определенными датами, а наименование Третьего Спаса не является «говорящим» (*Ореховый Спас* '16/29 августа' — время сбора орехов, что неактуально для Костромской области). Следует заметить, что некоторые хрононимы сохранились благодаря приметам и запретам, связанным с обозначаемой датой: *После Троицы был праздник Земля-Именинница. Стар и млад выходили, гуляли, плясали. Землю трогать нельзя; В Землю-Именинницу одна баба работала, дак со стога упала, шею свернула* (Костром.) [ЛКТЭ].

Ритуальное наполнение народных праздников в советско-постсоветский период может утрачиваться либо осознаваться как утраченное: *В Велико-то говеньё грех был молосно-то ись, а нонче уж ничё не разбирают* (Перм.) [Прокошева 2002: 81]. В постсоветское время обычаи, связанные как с традиционными, так и с советскими праздниками, уходят в прошлое: *К Октябрьским раньше варили, вот летние праздники — Вознесенье день, Троица была, к Первому мая варили* (Костром.) [ЛКТЭ]. При этом «церковно-народные» и «советские» хро-

нонимы мыслятся как представители одной системы.

Помимо вышеназванного, в так называемую «деревенскую» хрононимию проникают названия новых местных (*День Нептуна, День села, Праздник самовара*) и некоторых западных праздников (к примеру, День св. Валентина '14 февраля').

Влияние идеологии на русскую номинативную календарную систему в публицистике и фольклоре. Идеологизация советского календаря проявилась в публицистических текстах, которые пропагандировали уничтожение «старого мира» ради нового. Религиозные праздники стали символом уходящей эпохи, эпохи «рабов и господ». Новое время началось с Октябрьской революции, соответственно праздник *Октябрьская* по значимости должен был вытеснить народно-церковные, «царские» праздники; ср. представление времени в агитационной поэзии Маяковского: «Октябрь подавляет все другие (ранее равноправные) отрезки. Это время для простого народа, уничтожающее тех, кто ранее господствовал» [Купина 1995: 80]. «Конкурирующим» праздником было Рождество, которое открывало календарный год. Оно-то и стало «героем» публицистического обличения, чаще всего в заголовках статей и стихотворениях — наиболее заметных зонах газетного пространства. Так, негативная оценка Рождества могла передаваться при помощи экспрессивных атрибутивных сочетаний, ср. заголовков из «Комсомольской правды» конца 1920-х гг.: «В поход на религию и пьяный, обжорный праздник» [Иванов]. Появляется оппозиция «поповское, буржуазное Рождество — комсомольское Рождество»: «Провести **комсомольское рождество разумно, не в пьянке и обжорстве, а на гуляньях, вечерах и на спорте**» (заголовок из «Комсомольской правды» конца 1920-х гг.) [Иванов]; «Только тот, кто друг **попов, ёлку** праздновать готов» (А. Введенский // Чиж. 1931. № 12) [Иванов]. Для обозначения 7-го января, кроме хрононима *Рождество*, использовались лексемы, называющие атрибут рождественского праздника (*ёлка*). При этом контекстное окружение расставляет идеологические акценты следующим образом:

1) присутствует стремление «перекроить» праздник на свой лад, сделать его «комсомольским», т. е. лишенным «буржуазных» излишеств (см. выше: *разумно, не в пьянке и обжорстве*);

2) формируется призыв к полному неприятию Рождества (с помощью оценочных лексем, выступающих маркерами праздника: *рабство, розга, несуразная, нескладная, издевательство* — см. ниже) и его изгнанию из-за «классовых» смыслов и «мифологических» истоков (словосочетания с идеей насильственного устранения *по шапке, по зубам*, слова *невежество, сказка* с контекстной семантикой религиозного заблуждения — см. ниже): *Праздновать*

рождество — значит праздновать **рабство с невежеством!**.. Елки сухая розга маячит в глаза нам, по шапке деда Мороза, ангела — по зубам! (Семен Кирсанов. Рождество // Комсомольская правда. 1928. 25 дек.) [Иванов]; 1930 лет гуляет по белу свету **несуразная, нескладная рождественская сказка, состряпанная в угоду паразитам услужливыми лапами мракобесов на горе, на унижение угнетенных и обездоленных труженников, на злое издевательство и надругательство над ними <...> Надеть ярмо рабочему на шею, ударить революцию крестом по голове — вот подлый классовый смысл рождественской легенды** (Известия // 1930. 6 янв.) [Иванов].

Идеологические мотивы проникали в фольклорные тексты, чаще всего в песни. Песня как жанр «стала явлением массовой культуры, орудием, с помощью которого в сознание людей внедрялись идеологические догмы, источником идеологически выверенных прецедентных текстов» [Купина 1999: 88]. Фольклорная песня, в свою очередь, явилась идеальной формой пропаганды, связующим звеном между старым и новым миром. Подмена традиционных ценностей советскими в фольклорной песне ощущалась мало, так как сохранялся привычный мотив, ритм и пафос. Такой идеологический «маневр» позволял народу считать фольклорную песню «своей» и не отторгать ее как нечто навязываемое сверху.

Обратимся к народной песне о главных церковных праздниках, написанной, как нам кажется, на мотив солдатской строевой XIX в. «Солдатушки, бравы ребятушки». В тексте наблюдается типичное для такого рода произведений лексическое варьирование: 1) — *Пионеры, богу малoverы, / Где же ваше моленье? / — Наше моленье — Ленина ученье, / Вот где наше моленье. / — Пионеры, богу малoverы, / Где ваша Пасха? / — Наша Пасха — выдумана сказка, / Вот где наша Пасха. / — Пионеры, богу малoverы, / Где же ваше Рождество? / — Наше Рождество снегом занесло, / Вот где наше Рождество* (п. Балезино, Балезинский р-н, Удмуртия, 1983 г.) [ФФ ГГПИ]; 2) — *Пионеры-богомалoverы, / Где же ваши боги? / — Наши боги ускакали по дороге. / — Пионеры-богомалoverы, / Где же ваше рождество? / — Наше рождество снегом унесло. / — Пионеры-богомалoverы, / Где же ваша Пасха? / — Наша Пасха — выдумана сказка. / — Пионеры-богомалoverы, / Где же ваша Троица? / — Наша Троица — / Пятилетка-стройка, / Вот где наша Троица [ПСВ]; 3) — *Пионеры, в Бога вы неверы, / Где же ваше Рождество? / — Наше Рождество снегом занесло, / Вот где наше Рождество! / — Пионеры, в Бога вы неверы, / Где же ваша Пасха? / — Наша Пасха — выдумка и сказка, / Вот где наша Пасха! / — Пионеры, в Бога вы неверы, / Где же ваша Троица? / — Наша Троица в пятилетках строится, / Вот где наша Троица!* (с. Варна,*

Варненский р-н, Челябинская обл.) [ФВШ]; 4) *Наше Рожесво снегом занесло. / Вот где наше Рожесво. / Наша Троица в три шеренги строится. / Наша Паска — комсомольская властка* (Костром.) [ЛКТЭ].

Интересны слова информантки (86-летней жительницы костромской деревни), предшествующие четвертому варианту песни: *Мы-то в молодости знали праздника старые. Про них песню сочинили <...>* [ЛКТЭ]. Из них следует, что новый, идеологический смысл песни не осознается народом, соответственно отсутствует и негативное отношение к церковным праздникам (выражение *знали праздника старые* может означать, что их не только помнили, но и почитали). При этом хранителем «праздничной» культурной семантики выступают хронимы, которые в песне подменяются «советскими» словосочетаниями-идеологемами.

Почти во всех вариантах сохраняется диалоговая форма исходной песни «Солдатушки, бравы ребятушки». Такая ролевая подача и общий для двух песен патриотический, «коллективистский» пафос позволяют заменить одни понятия на другие. Если в «солдатском» тексте семейные ценности (лексические маркеры *деды, сестры*) вытесняются воинскими (*победы, штыки*), то в «праздничной» песне религиозные идеи (*боги, Рождество, Пасха, Троица*) — коммунистическими (*Ленина ученье, сказка, пятилетка-стройка, комсомольская властка*).

В постсоветский период так называемая идеологема празднования каждого дня проявляется в календарной «всеядности». Так, в современных газетных текстах встречаются как русские традиционные хронимы, так и западные: *В народе Никола зимний — один из самых любимых праздников* (Итоговый выпуск (вечерний) — 19.12.05, 20:10 — Челябинск // Новый регион 2. 2005.12.20) [НКРЯ]; *Здесь в рамках ежегодных декабрьских торжеств (Никола зимний) на одной из центральных площадей состоится открытие бронзового памятника святителю работы известного русского скульптора Григория Потоцкого* (Неверов Александр. Надежда всех христиан // Труд-7. 2000.12.06) [НКРЯ]; *Медовый спас открывает череду православных праздников: 19 августа — Преображение Господне и яблочный спас, 28 августа — Успение Пресвятой богородицы, 29 августа — ореховый или хлебный спас* (Итоговый выпуск вечерний — 13.08.04 // Новый регион 2. 2004.08.14) [НКРЯ]; *Он снят в стилистике „русского Хэллоуина“, стилизованной „ночи перед Рождеством“* (Алена Удовенко. «Рок-н-ролл в большом городе»: давайте немного похулиганим // Комсомольская правда. 2007.12.30) [НКРЯ]; *В пакетах были прибамбасы и приколы для общенародного празднования хэллоуина, который (если кто не знает) приходится на 31 октября* (Александр Архангельский. Хэллуйбины // Известия. 2007.12.24)

[НКРЯ]; *Россия отметила День матери. С 1998 года этот праздник стал официальным, общегосударственным* (Андрей Осипов. Профессия — мать // Известия. 2007.11.27) [НКРЯ]; <...> **Самый нежный и самый трогательный** из всех праздников — **День матери**, который будет отмечаться 25 ноября (Театральная афиша 22—28 ноября // Комсомольская правда. 2007.11.22) [НКРЯ]. Забытые в советское время традиционные праздники характеризуются как привычные, всем известные (ср. словосочетания, сопровождающие хрононимы: *любимый праздник, ежегодное торжество, череда православных праздников*).

То же самое наблюдается в отношении новых праздников, пришедших с Запада (таково словосочетание *русский Хэллоуин*, указывающее на восприятие праздника как своего, *общенародное празднование*; наименования с положительной оценкой: *нежный, трогательный праздник*). Об усвоении современным городским культурным сознанием Хэллоуина свидетельствует употребление его названия в переносном смысле («безумный» праздник, связанный с нечистой силой, без привязки к календарной дате): *Тур в Бельгию был красив и безумен, как Хэллоуин в Рождественскую ночь* (Владимир Ворсобин. Масоны зовут Россию в Евросоюз // Комсомольская правда. 2007.09.27) [НКРЯ]. Этап адаптации этот праздник прошел практически за три года, ср. более ранние контексты, датируемые 2004—2005 гг.: *Тут и понимаешь смысл пословицы „Свято место пусто не бывает“: колы не принято у нас весело и шумно почитать своих святых, будем радоваться жизни на католических — день святого Валентина и в Хэллоуин* (Сергей Черных. Даешь отечественных Патриков и Валентинов! // Комсомольская правда. 2005.03.21) [НКРЯ]; *Вместо этого студенты, которые приехали навестить родителей, устроили заморский праздник Хэллоуин* (Александрова Светлана. Хэллоуин в холуях // Труд-7. 2004. 11.30) [НКРЯ]. Как видно из контекстов, еще в 2004—2005 гг. Хэллоуин оценивался как культурно и территориально чужой праздник (ср. выражения *радоваться жизни на католических святых, заморский праздник*).

Признаком вхождения в узус хрононимов, обозначающих вышеназванные праздники, является их функционирование в современных шуточных стихах и поздравлениях: *Как раньше было принято, / Сейчас мы чтим традиции / И Праздник Спаса прогудит / До самой до столицы [ПП]; Масленица к нам идет, / И мешок блинов несет. / Я тебя с ней поздравляю, / Не объесться пожелаю <...> / Праздник чудно пусть пройдет / И запомнится на год [ПП]; Поздравить с праздником хочу! / Открыт сезон на речке! / О Дне Купалы прокричу, / Жаль, только он не вечен [ПП].*

Положительное отношение к праздникам передается контекстуальными партнерами хро-

нонимов — выражениями с идеей следования традиции (*раньше было принято, чтим традиции*), лексемами с позитивной контекстуальной оценкой (*чудно; запомнится; жаль, что не вечен*). В стихотворениях подобного рода также функционируют названия новых праздников — официальных (*День России*) и западных (*Хэллоуин, День св. Валентина*).

Идеологизация и деидеологизация сферы религиозного повлияла на орфографическую подачу хрононимов. Так, в газетах, художественной литературе (как русской, так и переводной) и в некоторых толковых словарях, изданных в советское время, даже названия двенадцатых праздников могли писаться со строчной буквы, ср.: *В первый день рождества они будут доставлены обратно в лучшем виде <...>* (О'Генри. Елка с сюрпризом) [О'Генри 1981: 115]; <...> *Из всех праздников пасха имеет в нашем сознании наиболее расплывчатые и зыбкие очертания* (О'Генри. День воскресения) [Там же: 324]; *Если рождество приходится на воскресенье, — считаю, что меня просто ограбили* (Всеволод Кукушкин. Пять минут одиночества // Юность. 1976) [НКРЯ]. В постсоветский период хрононимы как имена собственные все чаще стали подаваться с прописной буквы, причем как «церковные», так и «народные», ср. написание хрононима *Масленая неделя* в романе Дж. Харриса «Шоколад» [Харрис 2011: 7].

Несмотря на то что хрононимическая система в разных идеологических пространствах модифицируется с точки зрения состава, культурной семантики, словарной интерпретации, текстового окружения, «церковно-народный» хрононимический фонд сохраняется (основные «традиционные» хрононимы, системные связи, мотивационные и словообразовательные хрононимические модели). При этом наиболее разительным оказывается не хронологическое, а официальное/неофициальное различие хрононимических систем. Так, в каждый из рассмотренных нами исторических периодов существует две системы хрононимов. Первая формируется под влиянием политики и внедряется в сознание людей (через публицистику и толковые словари в советское время, через СМИ — в постсоветское), вторая во многом свободна от официальных влияний и «творит» себя сама (бытует в духовной культуре, преимущественно сельской).

ЛИТЕРАТУРА

Будур Н. Православный словарь. URL: <http://www.klex.ru/буб>.

Востриков О. В. Опыт этноидеографического словаря русских говоров Свердловской области : в 4 вып. — Екатеринбург : Свердловский областной Дом фольклора, 2000.

Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. — М. : Астрель, 2006.

Иванов Е. История праздников Нового года и Рождества. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/_IvNovGod.php.

Иванова А. Ф. Словарь говоров Подмосквья. — М. : Изд-во Моск. обл. пед. ин-та, 1969.

КЛАРНГ = картотека Лексического атласа русских народных говоров /

Ин-т лингвистических исследований РАН. СПб.

КСГРС = картотека Словаря говоров Русского Севера / каф. рус. яз. и общ. языкознания Урал. гос. ун-та. Екатеринбург.

Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. — СПб. : Норинт, 2000.

Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та ; Пермь : ЗУУНЦ, 1995.

Купина Н. А. Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999.

ЛКТЭ = лексическая картотека Топонимической экспедиции УрГУ / каф. рус. яз. и общ. языкознания Урал. гос. ун-та. Екатеринбург.

Махрачева Т. В. Личный архив Т. В. Махрачевой: полевые материалы Тамбовской и Орловской областей.

НКРЯ = Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>.

О'Генри. Рассказы. — Свердловск: Средне-Урал. книжное изд-во, 1981.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. 24-е изд., испр. — М. : Оникс 21 век, 2004.

ПП = Праздники и поздравления. URL: <http://www.prazdniki-pozdravleniya.ru/content/view/216/84/>.

Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. — Пермь : ПГПУ, 2002.

ПСВ = Песни сталинских времен. URL: <http://avtobiblio.com/nizovye-zhany/pesni-stalinskikh-vremen>.

СГБС = Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. — СПб. : Наука, 2007— . Т. 1— .

СВГ = Словарь вологодских говоров / под ред. Т. Г. Паникаровской. — Вологда : Изд-во ВГПУ, 1983— . Вып. 1— .

СРГА = Словарь русских говоров Алтая : в 4 т. — Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1993— 1998.

СРГКПО = Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. — Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2006.

СРГСУ = Словарь русских говоров Среднего Урала : в 7 т. — Свердловск : Средне-Урал. книжное изд-во, 1964—1987.

СРНГ = Словарь русских народных говоров. — М. ; Л., 1965— . Т. 1— .

СРСГСО = Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби : в 3 т. / под ред. В. В. Палагиной. — Томск : Изд-во Краснояр. пед. ин-та, 1964—1967.

СРЯ = Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — М. : Русс. яз., 1985—1988.

ССГ = Словарь смоленских говоров : в 11 т. — Смоленск : СГПИ (СГПУ), 1974—2005.

ССРЛЯ = Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. — М. ; Л., 1948—1965.

ТСРЯ = Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. — М. : Сов. энцикл. ; ОГИЗ ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935—1940.

Троицкий Т. Село Липицы и его окрестности Тульской губернии Коширского уезда // Этнографическое обозрение. 1854. Вып. 11. С. 81—97.

ФВШ = Форум Варненской школы № 1 имени Героя Советского Союза Русанова М. Г. URL: <http://v-school.2x2forum.ru/t5-topic>.

ФФ ГПИ = Фольклорный фонд ГПИ. URL: <http://istphil.udmedu.ru/arch/russian/districts/bal/pesni.htm>.

Харрис Дж. Шоколад. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2011.

Черных А. В. Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX — середины XX в. — Пермь : Пушка, 2006. Ч. 1 : Весна, лето, осень.

Черных А. В. Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX — середины XX в. — Пермь : Пушка, 2008. Ч. 2 : Зима.

Черных А. В. Русский народный календарь в Прикамье. — Пермь : Пушка, 2009. Ч. 3 : Словарь хронимов.

ЭМТЭ = картотека фольклорных и этнографических материалов ТЭ УрГУ / каф. рус. яз. и общ. языкознания Урал. гос. ун-та. Екатеринбург.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Многие «церковные» хронимы получили народное переосмысление. Так, в кузбас. хрониме *Авдокея-Капельница* (1/14 марта), помимо памяти о св. Евдокии, отражен признак начала весенней капели. У хронима *Троицын день* «народный» компонент не выражен во внутренней форме, но появляется в контекстах: *На Троицын день вешают качели* (Тул.) [Троицкий 1854: 94].

[2]. С 1919 г. Новый год в СССР отмечался в соответствии с григорианским календарем, 1 января по новому стилю.

[3]. Престольный праздник — праздник храма, праздник в честь святого или события, именем которого назван храм или его предел [Будур].

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. М. Э. Рут